

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1	15
“Девы ночи”, письмо неизвестной	23
ГЛАВА 2	35
Остудское чудо, или Воспоминания садовода	41
ГЛАВА 3	75
“ДИКАЯ КОШКА, или Правдивое изложение недавно произошедшей кровавой истории”, для ГОЛОСА и ФЛЕЙТЫ, на мелодию “ВЕСЕЛО-РАДОСТНО”	127
Из “Пословиц и поговорок”	133
ГЛАВА 4	139
“Печальный рассказ о БЕЛКЕ и СОВЕ, или КАК ЗЕМЛЯ ВНОВЬ ПОРОСЛА ЛЕСОМ”, новая зимняя баллада, сочиненная ЗЛОВЕЩИМИ сестрами на мелодию “ТОГДА ПОЖЕНИМСЯ С ЛЮБИМОЙ”, для ДЕТЕЙ	157
Письма к Э. Н.	163
ГЛАВА 5	197
“ДЕКАБРЬСКАЯ ПЕСНЯ”, еще одна баллада, сочиненная ЗЛОВЕЩИМИ сестрами. Для ГОЛОСА и ФЛЕЙТЫ, на мелодию “КОГДА ФЕБ ПРИЛЕГ ОТДОХНУТЬ”	213

ГЛАВА 6.....	217
ГЛАВА 7	251
Заметки о Роберте С.	257
ГЛАВА 8	281
ГЛАВА 9	291
Очень хладнокровное убийство	315
ГЛАВА 10	335
К собранию Исторического общества Западного Массачусетса	363
ГЛАВА 11	375
“Средство против ЛЮБОВНОЙ ТОСКИ”, <i>ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ в честь СПАСЕНИЯ от долгой</i> <i>ПЕЧАЛИ на мелодию “ТОСКУЮЩЕЙ ДЕВЫ”</i>	401
3 спальни, 2 ваннные комн.	407
ГЛАВА 12	411
Сукцессия	439
 Благодарности	445
Благодарности переводчика	447

Посвящается Ариане и Селе

...Из обломков ковчега сложить
на Арарате костер.

Натаниэль Готорн,
“Американские записные книжки”

Северный лес

ГЛАВА

I

В этот край они попали в июньской свежести, убегая от тех, кто гнался за ними, от людей из деревни, пробираясь оленьими тропами по лесам и долинам, по зарослям и зыбким топям.

Быстро они бежали! От лугов и болот поднимался пар. Тернистые кусты рвали на них одежду, и она лохмотьями свисала с их плеч. Они продирались сквозь чащу, прятались в дуплах деревьев и медвежьих берлогах, палками проверяя, пусто ли внутри. Они убегали, словно это игра, словно они — похитители, скрывшиеся с добычей. Моей добычей, шептал он, касаясь ее губ.

Они смеялись от радости. Их не найти! Мрачные мужчины проходили мимо с аркебузами наготове, вглядываясь в кустарник, грязными пальцами набивая трубки табаком. Мир сомкнулся над ними. Англия в прошлом, колония в прошлом. Теперь их опекает Природа, сказал он, они вступили в другую Страну. Лежа под ним на подстилке из листьев в дупле старого дуба, она запрокинула голову, чтобы взглянуть на сапоги с ремешками и кожаные ножны, мелькавшие под червивыми сводами мира. Как близко, подумала она, кусая его за руку, чтобы сдержать восторг. Переплестясь, они

наблюдали за гончими, встречались с ними взглядом, видели узнавание в собачьих глазах, в подрагивающих хвостах, а затем собаки двинулись дальше.

Они бежали. В открытом поле они прятались под тенью птичьей стаи, в реке — под серебристым неводом рыб. От их башмаков оторвались подошвы. Они примотали их тряпками, корой, а потом потеряли в трясине. Босиком бежали они по лесу, и в тенистых рощицах с капельками сока на стволах, когда они думали, что одни, он вытаскивал занозы из ее стоп. Они были молоды и могли бежать часами, а июнь преподносил им ягоды и оставленные без присмотра фермерские телеги. Они останавливались, чтобы есть, спать, воровать, кататься среди шелестящих полей золотарника. В укромных заводях он поднимал ее из воды, сажал на мшистый камень и пил реку, стекавшую по ее волосам и ногам.

Знает ли он, куда ведет их, спрашивала она, привлекая его к себе, пробуя на вкус его губы, а он всегда отвечал: дальше! На север двигались они, в северный лес и дальше к закату, что проходил по лесу пожаром, но горы вынуждали их сворачивать с пути, а топи замедляли их ход, так что они не знали, сколько лиг проделали за неделю. Да и какая разница? Реки уносили их к далеким, нагретым солнцем берегам. Колючие кусты раздвигались перед ними и смыкались за их спиной. Она стояла под водопадом, и талые потоки обрушивались ей на плечи, а он ходил по колено в воде и ловил чукучанов голыми руками. Потом он ждал ее, крылатый в сыром покрывале, которым укутывал ее, прежде чем уложить на землю.

Встретились они в церкви. Ей говорили о нем, ее предупреждали о нем, ходили слухи, будто в Англии он

натворил бед, сел на корабль, только чтобы сбежать. Бежал из Плимута, бежал из Нью-Хейвена, поселился в хижине на окраине Спрингфилда. Говорили, что он безбожник, водится с дикарями, участвует в языческих обрядах в лесу. Дважды она ловила на себе его взгляд; один раз они встретились на дороге. На этом все, но этого было достаточно. Ей казалось, будто она от него произросла. Он глядел на нее всю проповедь, и она чувствовала, что краснеет. После он предложил ей встретиться на лугу, а на лугу предложил встретиться у реки. Она должна была выйти за Джона Стоуна, священника вдвое старше ее, чья первая жена умерла на сносях. Умерла на сносях от побоев, сказала ее сестра, от нанесенных увечий. На берегу, под взглядом белых цапель, возлюбленный взял ее за руку, дал обещания, перекатил травинку во рту. Она прожила в этой деревне семь лет. Той ночью они сбежали, а комета в небе словно бы указала им путь.

Из огорода повитухи — три картофелины. Галеты из кармана спящего пастуха. Курицу с фермы поселенцев, курицу-несушку, которую он носил под мышкой. Мой эльф, называл он возлюбленную под покровом тьмы, и она заглядывала ему в глаза. Сумасшедший, думала она, ходит в одних лохмотьях, с топором и кудахчущей птицей. А что за речи он ведет! О Флоре, царстве жабы и моллюска, о созвездиях светлячков, о владычестве волка и медведя, о цветущей плесени. И о духах, что витают в лесу, вокруг них, повсюду, — о духах птиц и рыб, каждой ели и каждого жука.

Она смеялась: как же им хватит места? Тогда рыб будет больше, чем воды. Птиц больше, чем неба. По тысяче ангелов на каждой травинке.

Тише, сказал он, останавливая ее поцелуем, не то они обидятся: енот, червь, жаба, блуждающий болотный огонек.

Они бежали. Поженились они в тени ветвей, произнесли обеты у подножия дуба. На стволах деревьев — грибы величиной с седло. Свидетелями им были серые птицы, красные змеи, рыжие тритоны. Цикады осыпали их цветами. От папоротников, по которым они ступали, поднимался запах сена. Мир наполняли шум, жужжание, рев.

Они бежали. Последние фермы позади, теперь только лес. Они шли индейскими тропами через рощи, опустошенные пожаром, под зелеными сводами, высокими, как звезды. В жару они вброд переходили реки, ее рука в его руке, курица у него на плече. Слюда серебрила ее стопы. Стрекозы садились ей на шею. В ветвях деревьев, наверху, — белки-летяги, в илистом песке — крупные отпечатки кошачьих лап. Иногда он останавливался и показывал ей следы, оставленные людьми. Друзья, говорил он, а еще говорил, что знает язык народа по эту сторону горы. Но где же этот народ, недоумевала она. И вглядывалась в зелень, потому что ей было страшно — и одиноко, — и она не знала, что хуже.

А потом, как-то утром, они проснулись среди сосновых иголок, и он объявил, что погоня закончилась. Он понял это по тишине, по воздуху, по чистоте летнего ветерка. Этот край принял их. В колонии два имени в учетной книге перечеркнули двумя черными чертами. Детям пригрозили поркой, если они упомянут о беглецах.

В долину они пришли на седьмой день. Над ними — гора. Оленья тропа шла через луг, взбиралась на

зеленый холм, пересекала темные останки недавнего костра. Сбегала вдоль ручья к окаймленному ситником пруду. По ту сторону холма — поляна, выточенные бобрами пни и бледные побеги, растущие из черных углей.

Здесь, сказал он.

Над пепелищем порхали певчие птицы. Они сбросили лохмотья, искупались, легли спать. Все было таким ясным, таким чистым. Он достал из мешочка семена тыквы и кукурузы, кусочки картофеля. Зашагал по склону, курица следовала за ним по пятам. У ручья он нашел большой плоский камень, поддел его, отнес на поляну и бережно положил на землю. Здесь.